

ВСПЫШКА

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Вспышка

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Вспышка / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Андрей Карпов — старший смены диспетчерского центра единой энергосистемы, человек, который двадцать лет не давал свету мигнуть. Дома у него — восьмилетний развод, двое детей на другом конце города и женщина, которой он не успел ответить. Утром приходит сводка: с Солнца сорвался корональный выброс класса «однажды в столетие», и до удара по магнитному полю Земли — сутки. Цивилизация должна добровольно погасить саму себя, чтобы спасти сеть. У пульта Андрей решает, чьи жизни попадут в защищённый список. А дома дочь впервые спрашивает: «Приедешь ли ты сегодня?» Повесть о цене двадцатилетней правоты, о свете, который покупают темнотой, и об отце, ищущем своих в горящем городе.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Свет не гаснет	5
Часть вторая. Ложная заря	9
Часть третья. Великое отключение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эдуард Сероусов

Вспышка

Часть первая. Свет не гаснет

Частота просела на сотую долю герца, и Андрей увидел это раньше, чем загорелся алерт. Не услышал, не прочёл — увидел, как узнают знакомое лицо в толпе. Линия пятидесяти герц на центральном экране качнулась, провисла на толщину волоса, и за этим волосом стояла подстанция где-то на востоке, за тысячу километров, где турбина начала ронять нагрузку.

— Восьмой узел, — сказал он в гарнитуру. Ровно, без нажима. — Кто ведёт восьмой.

— Я вижу, — отозвалась Даша через два кресла. Голос у неё подобрался, как у всех молодых, когда цифра уходит из зелёного. — Сброс на втором генераторе, идёт просадка...

— Не трогай генератор. — Он уже вёл пальцем по сенсорной карте, разворачивая поток. — Подними переток с северного кольца, мягко, по сотке. Дай ему опереться.

Реле щёлкнули где-то в проводах страны — он услышал это в наушнике как далёкий сухой треск, как костяшки пальцев. Линия на экране перестала проседать. Помедлила. Поползла назад, к пятидесяти, к ровному.

Восемнадцать секунд. От первого волоса до ровной линии — восемнадцать секунд, и три миллиона человек на востоке так и не узнали, что свет у них едва не запнулся.

Андрей откинулся в кресле. Зал диспетчерского центра дышал ровным электрическим гулом — сорок мониторов, синее свечение на лицах, климат держал двадцать два градуса круглые сутки, и кофе в его кружке давно остыл до комнатного. На запястье шли часы. Старые, механические, на автоподзаводе — отцовские; единственная вещь здесь, которой не нужна была розетка. Они тикали под манжетой, пока всё остальное в этом зале питалось от той самой сети, которую он сторожил.

— Как вы это увидели? — Даша развернулась к нему. — Алерт загорелся уже после.

— Алерт смотрит на порог. — Он пожал плечом. — А ты смотри на форму. Когда система собирается падать, она сначала меняет осанку.

Это было не объяснение. Это было двадцать лет, которые он не умел отдать словами, и она это поняла — кивнула и отвернулась, чтобы не показывать, что не поняла.

За стеклом, на стене во всю высоту, светилась карта — вся страна в жилах линий, узлы пульсировали зелёным, и в каждом зелёном огоньке жил город, завод, роддом, человек у плиты. Отсюда, с этого кресла, можно было держать в горсти двести миллионов жизней и ни разу не коснуться ни одной. Андрей знал эту карту лучше, чем расположение комнат в квартире, где когда-то спал рядом с женой. Карта не запинаясь. Карта не уходила к матери, не забирала детей, не переставала отвечать.

На боковом мониторе, который он держал краем глаза для метео и космической погоды, тихо желтела сводка. Геомагнитная активность — повышенный фон, рекомендованное наблюдение. Что-то о вспышке класса, которого он не разобрал, на дальней стороне Солнца. Он скользнул по ней взглядом и отвёл. Космос всегда чем-нибудь стрелял, и из тысячи таких сводок ни одна за двадцать лет не дотянулась до его сетки. Вероятность ничего не стоила, пока не оправдывала затрат на тревогу.

Над дальним пультом мигнула лампа — раз, другой, неровно. Рука сама дёрнулась к панели, хотя выключатель был не здесь и гасить было нечего. Он не любил, когда свет мигал. Свет не должен был мигать. Это была вся его работа, в сущности — чтобы нигде, ни на одном пульте страны, ни в одной кухне, свет не запинаясь.

Лампа выровнялась. Он опустил руку.

— Кофе сделать? — спросила Даша.

— Сделай, — сказал он, чтобы она отвлеклась от восьмого узла, который давно был в порядке.

✱

Телефон в кармане завибрировал. Андрей вытащил его под краем пульта, как подросток на уроке.

Катя. Сообщение в три слова: «забери в субботу?». Без заглавной, без знака, без «привет». Так пишут не отцу, а расписанию.

Он набрал: «Конечно. Во сколько удобно? Можем заехать за пиццей, как любишь». Стёр «как любишь» — она больше не любила то, что он помнил. Отправил без этого. Серая галочка стала двойной. Прочитала сразу — и не ответила. Шестнадцать лет умели молчать громче, чем кричали.

Экран в его руке вспыхнул входящим. Видеозвонок. Миша.

— Пап! — Лицо сына влетело в кадр слишком близко, как всегда, — нос, лоб, восторженный глаз. — Пап, не грузится. Я зашёл, а оно «соединение потеряно» и крутится.

Их игра. Вечерний ритуал — он и Миша в одном виртуальном мире на два конца города, строят, копают, он держит фонарь, пока сын роет. Тридцать минут в день, когда у него была смена не в ночь. Тридцать минут отцовства через оптоволокно.

— Покажи. — Андрей скосил глаз на главный экран — сетка ровная, частота держит — и вернулся к сыну. — Перезайди. Видишь кнопку?

— Заходил уже три раза!

— А роутер? Помнишь, я говорил — где две лампочки...

— Пап, а помнишь, мы копали? — Мишу уже унесло от роутера, как всегда уносило на полуслове куда-то вбок. — Я вчера один копал, без тебя, и докопался до серых камней. Серые — это уже глубоко, да? А если ещё копать, докопаешься до конца? До самого-самого низа? Что там, в самом низу?

— Завтра докопаем — узнаем, — сказал Андрей, не вникая, не отрываясь от сетки.

За спиной у Миши, в глубине комнаты, прошла Катя — наушники-вкладыши белели в ушах, телефон в поднятой руке, она снимала что-то своё, не их, проходя мимо младшего брата, как мимо мебели. На секунду её взгляд задел камеру. Андрей поднял руку — не помахал, просто поднял, как поднимают руку к тёплому, к которому нельзя подойти. Она отвернулась.

— Пап, ты сделаешь, чтоб грузилось? — Миша смотрел в камеру с полной верой. — Ты же чинишь свет. Почини интернет.

— Починю. — В наушнике у Андрея щёлкнул вызов с режима, Зотов искал кого-то по громкой. — Слушай, у меня смена. Давай так — ты ляжешь спать, а завтра вечером я зайду, и мы докопаем тот туннель. Договорились?

— Завтра — это сто лет.

— Завтра — это завтра. — Он улыбнулся в экран, и сын, кажется, поверил больше в улыбку, чем в обещание. — Зубы. Спать. Я тебя обнимаю.

Он сказал «обнимаю» в стекло, в десять сантиметров светящегося стекла, и сын прижал ладонь к своей стороне, и две ладони встретились в двух разных комнатах, не коснувшись ничего, кроме тёплого пластика. Экран погас. В кармане снова стало холодно и тихо.

Он положил телефон экраном вниз. Где-то в этом было что-то неправильное — что он умел за восемнадцать секунд поймать падающую страну и не умел за восемь лет поймать взгляд собственной дочери. Но неправильное было далеко, на дне, под слоем работы, и на работе всегда находилось чем его придавить. Сетка не ждала. Сетка никогда не ждала, и в этом, если честно, было удобно.

✱

В половине девятого пришло голосовое.

Андрей увидел имя — Марина — и время в углу: 08:14. У неё было сильно за полночь, конференция шла на другом краю планеты, в городе, где сейчас горели окна офисов, которые здесь давно бы погасли. Он вставил один наушник, второй оставил на режим, и её голос вошёл в правое ухо сквозь шум чужого аэропорта.

«Привет. Долетела, всё нормально, отель никакой, но с видом. — Усталость в голосе, та домашняя, которую слышишь только у своих. — Слушай, тут у них в фойе стоит та самая кофемашина, помнишь, мы смотрели, и я подумала — да ну её, дорого, и тут же подумала, что это ты во мне говоришь. Заразил. — Короткий смех, и за ним пауза, в которой что-то тянулось к нему через одиннадцать часовых поясов. — В общем. Скучаю немножко. Позвони, когда сменишься, расскажу про доклад, я там, кажется, всех напугала цифрами. Целую. Всё, спать».

Марину он встретил уже после развода — на такой же конференции, она читала про риски, он сидел в третьем ряду и думал, что женщина, которая так спокойно говорит о вещах, способных всё обрушить, либо не понимает, что говорит, либо понимает лучше всех в зале. Оказалось второе. Они прожили вместе три года, без штампа, без общих детей — детей у него хватало на другом конце города, — но с привычкой засыпать, переплестись, и просыпаться, не сразу понимая, где кончается один и начинается другая. Она была тем, что он выбрал сам, не по обязанности, не по привычке. Тем немногим в его жизни, во что он вложил, а не сэкономил.

Сообщение кончилось. Он сидел, держа в ухе тишину после её голоса, и набирал в голове ответ — что машина того стоит, пусть берёт, что он тоже скучает, что цифрами надо пугать, это её работа. Хороший ответ. Он отправит его, как сменится. Через час. Через два.

На карте дрогнул узел в южном секторе — пустяк, сам выровнялся, но глаз ушёл туда, и палец, и мысль, и Марина осталась в правом ухе непрозвучавшим ответом, который он собирался дать, как только освободится.

Он не знал тогда, что у некоторых сообщений нет «через час».

К десяти жёлтая сводка на боковом мониторе перестала быть жёлтой.

Андрей заметил это не сразу — заметил, что Даша затихла, что в зале кто-то встал и подошёл к чужому пульту, что ровный гул сменил ноту. Он развернулся к космической погоде. Сводка горела оранжевым. И цифры в ней были не те, что час назад.

Он читал, и двадцать лет опыта медленно разворачивались внутри неприятным холодком. Корональный выброс. Не на дальней стороне — на ближней. Направление — на Землю. Внизу сводки, в строке источника модели, к которой свелись наблюдения всех станций, стояло имя.

Сабурова Е. В.

Андрей смотрел на эти буквы дольше, чем нужно, чтобы их прочесть.

Он знал это имя. Семь лет назад оно лежало на столе перед ним в виде многостраничной программы — закалка магистральных сетей, защита трансформаторов, резервный парк, расчёт на однажды-в-столетие. Он был в экспертной комиссии. Он был хорошим экспертом — сухим, точным, не поддающимся на красивые ужасы.

Семь лет назад она стояла в зале совещаний — он вспоминал теперь — невысокая, в сером, с указкой, которую не умела держать небрежно, и за её спиной на экране горело то самое небо: симуляция, алое сияние над континентом, города, гаснущие каскадом. Тогда это казалось кино. Дешёвым приёмом — пугать комиссию картинками. Кто-то из членов даже усмехнулся. И когда дошло до него, до сухого эксперта в третьем ряду, — он не усмехнулся. Он сделал хуже. Он спросил, спокойно и по делу: какова вероятность в горизонте планирования, и во что обойдётся парк резервных трансформаторов, и сойдётся ли одно с другим. Цифры не сошлись. Цифры почти никогда не сходятся, когда катастрофа редка, а счёт за неё надо платить сегодня, живыми деньгами, из бюджета, который и так трещит. Он показал, что не сходятся. Это было

честно. Это было профессионально. Это убило программу вернее, чем чьё-либо «нет», потому что его «маловероятно» нельзя было обвинить в трусости — только в трезвости.

И в протоколе, который потом подшили и забыли, осталась его строка, которую цитировали как образец взвешенности: вероятность события не оправдывает затрат на защиту.

Он помнил, как она собирала бумаги после. Не спорила, не умоляла. Сложила распечатки в папку, посмотрела на него через зал — коротко, без злости, с чем-то хуже злости, — и вышла. Он тогда подумал: профессионал. Принимает данные. И забыл её к вечеру.

А теперь её имя стояло под выбросом, идущим на Землю.

Он снова посмотрел на боковой монитор. Цифра времени подлёта — станции ещё спорили о ней, разброс был широк, — но даже по верхней границе она умещалась в одни сутки.

Лампа над дальним пультом мигнула. На этот раз он не потянулся её гасить.

Часть вторая. Ложная зоря

К полудню в зале стало тихо так, что слышен был кондиционер.

Это была неправильная тишина. В диспетчерском центре всегда стоял ровный человеческий шум — переключки, клавиши, чьи-то шаги к кофемашине. Сейчас сорок человек смотрели на один экран, на котором руководитель смены выводил то, что прислали сверху, из штаба, куда стекались данные всех обсерваторий мира.

Цифра родилась на главном экране и встала над картой страны как новая, чёрная луна. 16:00:00. И пошла вниз. 15:59:59. 15:59:58.

Время до подхода фронта. Без малого шестнадцать часов — и облако плазмы, сорвавшееся с Солнца, шло к Земле со скоростью, которую разум отказывался переводить в привычное, потому что в привычном не было таких чисел.

— Это с запасом? — спросил кто-то. — Модели же всегда...

— Это и есть запас, — сказал руководитель. — Нижняя граница раньше. Верхняя — вот эта.

— Семь лет назад нам считали, что вероятность...

— Семь лет назад нам считали вероятность, — оборвал он. — Сегодня нам считают время.

Андрей сидел не двигаясь. Он знал, чья модель свела весь этот разброс наблюдений к одной линии, к одному отчёту, которому теперь верил штаб, министерство, континент. Та самая модель, которую он семь лет назад помог положить под сукно как дорогую фантазию. Теперь она была единственным, что стояло между двумя сотнями миллионов и тьмой, — и подписана была именем, которое он вычеркнул.

Он уже понимал, к чему всё идёт, — понимал быстрее остальных, потому что знал сетку телом. Если выброс такой, как в отчёте, то спасти оборудование можно одним способом, противоестественным для всякого, кто двадцать лет не давал свету гаснуть. Сеть надо погасить. Самим. Заранее. Обесточить и заземлить линии, снять с трансформаторов нагрузку, спрятать страну во тьму прежде, чем тьму принесёт Солнце, — потому что обесточенная холодная линия наводит меньший ток, а трансформатор без нагрузки переносит удар, который сожжёт нагруженный. Логика была безупречна и чудовищна. Чтобы сберечь нервную систему цивилизации, её надо было своими руками отключить.

И отключить связную энергосистему страны — это не повернуть рубильник. Это последовательность, длинная, точная, которую нигде не записали, потому что её никто никогда не делал нарочно. Она жила в нескольких головах в этом зале. И лучше всех — в его.

И самое горькое он понял не сразу, а как-то боком, холодным узлом под рёбрами: теперь ему, ему в том числе, предстояло убеждать людей — операторов, начальников, город — поверить в маловероятную катастрофу. Ему, который семь лет назад был лучшим в стране специалистом по тому, чтобы в неё не верить.

В гарнитуре щёлкнуло. Голос из штаба, незнакомый, усталый:

— Карпов. Старший смены. Вас включают в координацию по сценарию управляемого вывода. С автором модели сейчас свяжут. Готовьтесь принимать.

Автором модели. Андрей закрыл глаза на секунду. Из всех людей на планете, с кем ему предстояло спасти эту планету, судьба выбрала единственного, кому он был должен.

✱

Связь дали через двадцать минут. Лицо Елены Сабуровой возникло на боковом экране, и Андрей узнал её мгновенно, хотя семь лет прибавили ей седины и отняли что-то в лице — какую-то готовность объяснять.

За её плечом светилась модель. Живая — он видел, как по контуру планеты ползёт алое, как наливаются цветом широты, до которых сияние не доходило никогда. Она работала, не оборачиваясь к камере, пальцы шли по своей клавиатуре, и заговорила раньше, чем посмотрела на него.

— Карпов, — сказала она. Не вопрос. Прочла фамилию в списке и узнала. — Старший смены вашего оператора. — Короткая пауза, в которой уместилось семь лет. — Что ж. Уместно.

— Елена... Викторовна.

— Не надо отчества. — Она наконец подняла глаза к камере, и в них не было торжества, которого он почти ждал, — было что-то суше и тяжелее. — У нас двадцать три часа. Отчества не влезают.

— Я должен сказать...

— Вы ничего мне не должны. — Она отвернулась обратно к модели. — Точнее, должны, но не мне. Не извиняйтесь мне, Карпов. Извинитесь сетке — у неё времени меньше, чем у нас обоих. — Пальцы её не останавливались. — Я говорила это десять лет. Сначала на бумаге, потом на комиссиях, потом просто в пустоту. Теперь это говорит небо. Небо убедительнее, у него бюджет больше.

И вот в чём была жестокость, от которой Андрею стало по-настоящему холодно: она не злорадствовала. Ей было бы легче злорадствовать. Она десять лет несла правоту, как несут камень, и сегодня камень оказался прав, и за эту правоту платил весь мир, и никакой радости в этом не было — только усталость человека, которому наконец поверили в день, когда верить уже поздно. Они были одной породы, он понял это с дурнотой. Оба верили цифрам. Просто она верила в те, что пугали, а он — в те, что позволяли не тратиться.

— Слушайте внимательно. — Модель за её плечом развернулась схемой сети. — Спасти всё нельзя. За двадцать три часа — нельзя. Можно спасти хребет: воду, больницы, узлы, холод. Для этого регион за регионом надо вывести в управляемое обесточивание — точно, по порядку, удерживая частоту, иначе вы каскадом обрушите то, что пытаетесь сберечь. — Она посмотрела на него прямо. — Ваш регион выводите вы. Лично. Я свела модель, но руки на пульте — ваши, и заменить их за сутки нечем. Вы понимаете, что я вам говорю?

Он понимал. Из всех приговоров, которые она могла ему вынести, этот был самым точным: человек, похоронивший её защиту, теперь был единственным, кто мог провести спасение. Вина и спасение оказались одной парой рук.

— Понимаю, — сказал Андрей.

— Тогда отчества правда не влезают, — сказала Елена и свернула паузу. — Начнём.

✱

Он урвал две минуты на звонок Ольге, пока штаб согласовывал последовательность регионов.

Она ответила сразу — значит, телефон был в руке, значит, уже знала. По городу шла та самая весть, и в трубке за её голосом он услышал не домашнюю тишину, а что-то уличное, гулкое, тревожное.

— Ты слышал, — сказала Ольга. Не «привет».

— Я больше чем слышал. Слушай меня. — Он говорил быстро и ровно, режимом аварии. — Через сутки погаснет всё. Надолго. Не на день. Бери детей, бери документы, воду, и уезжай из города на восток, к твоей сестре, прямо сейчас, пока дороги...

— Андрей. — Одно слово, и он осёкся. — Я не могу их вывезти. Дороги стоят. Я уже пробовала — два часа назад, как только пошли первые слухи. Машина застряла у моста, я еле вернулась дворами. Мост стоит в обе стороны, весь город решил то же самое, что ты сейчас говоришь.

В трубке, на заднем плане, он услышал Мишин голос — тонкий, требовательный, не понимающий: «Мам, а игра? Папа починит игру?» И Катя, глуше, с той интонацией, по которой ясно было, что наушники она всё-таки вынула: «Да отстань ты со своей игрой».

— Они со мной, — сказала Ольга тише. — Оба. Дома. Я их никуда не дену, Андрей, я заперта в этом городе вместе с ними и со всеми. — Пауза. — А ты где? Ты ведь на работе. Ты ведь не приедешь.

Вопрос был без надежды. Восемь лет она задавала его без надежды и восемь лет получала один и тот же ответ, и оба знали ответ заранее. У него была смена. У него всегда была смена. Сетка не ждала.

— Я... — Он смотрел на главный экран, где отсчёт перевалил за двадцать два часа, где его регион ждал, чтобы его, и только его, руки начали гасить. — Мне нельзя сейчас уйти, Оля. На мне регион. Если я уйду, погибнут...

— Я знаю, кто погибнет. — Голос у неё был ровный, выгоревший. Не упрёк. Хуже упрёка — констатация. — Всегда кто-то погибнет, если ты уйдёшь. Все, кроме нас. — И, после паузы, без яда, по-деловому, что было больше всякого яда: — Не звони, чтобы успокоить себя. Если приедешь — звони. А просто так — не надо. Мне надо беречь зарядку.

Связь оборвалась с её стороны. Андрей сидел с погасшим телефоном в руке — второй погасший экран за это утро, где по ту сторону были его дети, — и понимал, что капкан закрылся аккуратно, без зубьев, без крови: его руки нужны здесь, чтобы спасти миллионы, а его дети заперты там, в городе, который вот-вот встанет на дыбы, и между «здесь» и «там» лежали часы, которых не было.

✱

Это случилось в начале четвёртого, середь бела дня, и было красиво так, что в зале снова стало тихо.

Кто-то у окна сказал негромко: «Смотрите». И все, кто мог оторваться от пультов, повернулись к высоким окнам диспетчерского центра, выходящим на серое осеннее небо большого города.

Небо было не серое.

По нему, поверх дневной мути, поверх солнца, разливалось сияние — зелёное у горизонта, выше переходящее в немыслимый розовый и алый, и оно текло, медленно, как занавес на сквозняке. Северное сияние. Днём. На широте, где его не видели никогда, где его не могло быть, — и оно было, потому что фронт выброса, передний его край, уже коснулся магнитного поля Земли, опередив главный удар на долгие часы, и поле отозвалось этим страшным дневным светом.

И в ту же минуту по залу прошла волна. Не звука — света. Лампы над пультами мигнули разом, все сорок, — раз, другой, неровно, — и графики на экранах дрогнули, и где-то в проводах страны прокатился первый каскад наведённых токов, ещё слабый, ещё игрушечный по сравнению с тем, что шло следом, но настоящий. Первый. Цифры на пультах качнулись зелено-жёлтым.

Андрей смотрел на небо и видел в нём не сияние. Он видел симуляцию семилетней давности — то самое алое над континентом, которое тогда казалось дешёвым приёмом, картинкой, чтобы пугать комиссию. Картинка взошла над городом. Кино стало небом.

Он обернулся к залу. На лицах не было больше ни тени того сомнения, что держалось всё утро, — того «модели всегда преувеличивают», того «семь лет назад нам считали». Сомневаться больше было нельзя. Небо отменило сомнение. Сорок человек смотрели в окна, и Андрей видел момент, который не спутаешь ни с чем: момент, когда люди перестают спорить с цифрой и начинают её бояться.

В гарнитуре раздался голос Елены — ровный, без «я же говорила», и оттого ещё страшнее:

— Видите небо, Карпов? Это аванс. Через двадцать часов придёт счёт. — Пауза. — Начинайте выводить регион. С этой минуты каждая минута, которую вы потратите на сомнение, — это узел, который не успеет погаснуть холодным. Считайте.

Андрей придвинул к себе мастер-пульт. Лампа над ним больше не мигала ровно — она пульсировала в такт чему-то огромному за стенами, за небом. Он положил руки на пульт, на знакомые клавиши, которыми двадцать лет не давал свету гаснуть, — и приготовился впервые в жизни сделать обратное.

За окном горело самое красивое небо, какое он видел. Под ним начинался конец света.

Часть третья. Великое отключение

Великое отключение началось не с грохота, а с тишины, расходящейся по экранам, как круги по воде.

На стене диспетчерского центра, рядом с картой страны, штаб вывел мировые ленты — десяток окон, в которых планета занималась небывалым делом: выключала сама себя.

В окне с картой воздушного движения было видно, как пустеет небо. Полчаса назад над континентом висели сотни жёлтых самолётиков, ползущих по своим трассам; теперь они сиделись — десятками, всюду, где была полоса, — и жёлтых точек становилось всё меньше, и Андрей смотрел, как пустеет воздух над целыми странами, будто кто-то ровной рукой стирал мошкарку со стекла. Самолёт нельзя оставить в небе, когда придёт удар: ослепнет навигация, откажет связь. И мир сажал свои самолёты, все разом, впервые с того сентября, который все помнили.

В соседнем окне замерла биржа. Цифры, которые двадцать лет не останавливались ни на секунду, ни ночью, ни в праздник, — встали. Торги закрыли досрочно, по всему свету, потому что деньги — это записи, а записи живут в памяти, а память питается от розетки. Триллионы превращались в строки, которые сейчас лихорадочно сбрасывали на ленту, на бумагу, на то, что переживёт тьму. Богатство мира на глазах теряло смысл, оставаясь только там, где его можно потрогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.